

Фанни — девушка из бедной семьи. Но ее тетушка, которая в свое время удачно вышла замуж за баронета Томаса Бертрама, приглашает племянницу пожить у себя. Роскошное поместье Мэнсфилд-парк — словно сказочный мир. Но его жители не принимают девушку в свой круг. Разве место беднячке среди аристократов? Однако сердцу не прикажешь: Фанни влюбляется в юного кузена Эдмунда Бертрама. Есть ли будущее у ее чувств? Все может случиться в поместье Мэнсфилд-парк...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7085-5



9 786171 127085

Джейн Остин



Мэнсфилд-парк



Джейн Остин



Мэнсфилд-
парк



A decorative floral wreath border composed of thin, winding lines with small leaves and spiral-shaped flowers, surrounding the central text.

Джейн Остин

Мэнсфилд- парк

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2019  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
О-76



Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Р. Облонской*

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-7085-5

- © Р. Облонская, наследники, перевод на русский язык, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Лет тому тридцать мисс Марии Уорд из Хантингдона, имевшей всего семь тысяч фунтов, посчастливилось пленить сэра Томаса Бертрама из Мэнсфилд-парка, что в графстве Нортгемптоншир, и таким образом возвыситься до положения жены баронета, владелицы прекрасного дома и значительного дохода со всеми вытекающими отсюда удобствами и возможностями. Весь Хантингдон пришел в восторг от столь замечательной партии, а ее дядя, адвокат, к тому же расстарался, чтоб у ней оказалось еще по крайней мере на три тысячи фунтов меньше, чем полагалось бы невесте такого лица. У нее были две сестры, коим ее успех должен был помочь в жизни; и те из знакомых, кто почитал наружность старшей мисс Уорд и мисс Франсис такую же привлекательной, как и мисс Марии, не колеблясь прочили им столь же завидное замужество. Но, право, на свете куда меньше мужчин с большим состоянием, нежели хорошеньких женщин, которые их достойны. По прошествии шести лет мисс Уорд вынуждена была связать свою судьбу с другом своего зятя, преподобным мистером Норрисом, у кого, можно сказать, и состояния-то никакого не было, а мисс Франсис преуспела и того менее. Благодаря попечению сэра Томаса, сумевшего предоставить своему другу место приходского священника в Мэнсфилде, брак мисс Уорд, в сущности, оказался не вовсе жалким, и семейное счастье четы Норрисов началось при доходе почти что в тысячу фунтов в год. А мисс Франсис вышла замуж, чтобы, как говорится, досадить своему семейству, чего и достигла

в полной мере, связав жизнь с моряком, лейтенантом без образования, состояния и связей. Трудно было бы сделать выбор неудачнее. Сэр Томас Бертрам, человек влиятельный, столько же из принципа, сколько из гордости, а также из свойственного ему желания поступать по справедливости и видеть всех своих близких устроенными благопристойно, с радостью употребил бы свое влияние на пользу сестре леди Бертрам; но профессия ее мужа была такова, что это оказалось ему не по силам; и еще прежде, нежели он успел измыслить какой-либо иной способ помочь молодым супругам, между сестрами произошел совершенный разрыв. То было естественное следствие такого поведения обеих сторон, какое почти всегда вызывается опрометчивым браком. Желая избежать бесполезных увещаний, миссис Прайс написала обо всем семье, лишь когда бракосочетание уже совершилось. Леди Бертрам, наделенная характером на редкость покладистым и вялым, отчего ее трудно было вывести из равновесия, удовольствовалась бы тем, что просто махнула бы на сестру рукой и более не стала думать о произошедшем; но миссис Норрис, натура деятельная, не могла успокоиться, пока не написала Фанни длинное гневное письмо, в котором высказалась о ее безрассудном поведении и предвещала сестре всевозможные дурные последствия. Миссис Прайс, в свой черед, была уязвлена и разгневана; и ответное письмо, исполненное ожесточения против сестер и содержащее столь неуважительные замечания касательно сэра Бертрама, что миссис Норрис никак не могла сохранить его в тайне, надолго положило конец всяким отношениям между ними.

Они жили в таком отдалении друг от друга и вращались в кругах таких различных, что в последующие одиннадцать лет почти вовсе лишены были возможности получать вести друг о друге; во всяком случае, сэра Бертрама до крайности удивило, когда миссис Норрис вдруг сердито

сообщила им — как она делала время от времени, — что у Фанни родился еще один ребенок. Но к концу этих одиннадцати лет миссис Прайс уже не могла долее позволить себе тешить свою гордость и обиду или пренебрегать родством, от которого можно было бы ждать помощи. Большая и все увеличивающаяся семья, муж, негодный к службе, однако же всегда готовый выпить в компании приятелей, и весьма скромные средства для удовлетворения всех нужд заставили ее вспомнить о родных, от которых она так беспечно отказалась; она написала к леди Бертрам, и письмо ее свидетельствовало о таком искреннем раскаянии и унынии, о таком обилии детей и почти полном отсутствии чуть ли не всего прочего, что оно не могло не привести к всеобщему примирению. Миссис Прайс предстояли вскорости девятые роды, и, посетовав по сему поводу и прося о покровительстве ожидаемому младенцу, она не скрыла от родных, как важна была бы их поддержка для будущего благополучия ее восьмерых подрастающих отпрысков. Старшенький, красивый живой мальчик, мечтает повидать мир, но как ему помочь? Не окажется ли он в дальнейшем полезен сэру Томасу в связи с его собственностью в Вест-Индии? Ему подойдет самая скромная должность... А что скажет сэр Томас о Вулидже? Или, может быть, отправить мальчика на Восток?

Письмо оказало свое действие. Оно восстановило мир и благожелательность. Сэр Томас передал дружеские заверения и советы. Леди Бертрам отправила деньги и детское приданое, миссис Норрис присовокупила к этому письма.

Таковы были последствия, но не прошло и года, как послание миссис Прайс принесло еще более весомые плоды.

Миссис Норрис часто говаривала, что бедняжка сестра и ее семейство не идут у ней из головы, и, как ни много уже для нее сделано, несчастная миссис Прайс, кажется, еще нуждается в помощи: надо бы ее полностью

освободить от забот и трат, приходящихся на долю одного из ее многочисленных чад.

— Не взять ли нам на себя попечение об ее старшей дочери, девочке сейчас девять лет, этот возраст нуждается в большем внимании, нежели ей способна уделить бедняжка мать?хлопоты и расходы, каковые потребуются от родных, сущие пустяки по сравнению с таким благодеянием.

Леди Бертрам тотчас с нею согласилась.

— Лучше не придумаешь, — сказала она. — Надобно послать за девочкой.

Сэр Томас не мог одобрить эту мысль столь же быстро и безоговорочно; он размышлял и колебался: это дело серьезное, девочка, достойным образом воспитанная, должна быть и соответственно обеспечена, в противном случае, забрав ее из семьи, они совершат не добро, а жестокость. Он думал о своих четверых детях, о двоих сыновьях, о любви, что нередко вспыхивает у кузенов, и тому подобном; но едва он стал осторожно высказывать свои возражения, как миссис Норрис прервала его и ответила на них все, высказанные и невысказанные.

— Любезный сэр Томас, я полностью вас понимаю и отдаю должное великодушию и деликатности ваших мнений, они, конечно же, всецело соответствуют вашим взглядам и поведению; я совершенно согласна с вами в главном, что касается до необходимости сделать все от нас зависящее, чтобы обеспечить дитя, за которое в известном смысле каждый из нас берет на себя ответственность. И уж конечно, ради такого случая я тоже внесу свою скромную лепту. Не имея собственных детей, кого же, кроме детей моих сестер, могу я почитать достойными той малости, что у меня есть?.. И я уверена, мистер Норрис уж такой справедливый, что... ну да вы знаете, не мастерица я говорить и заверять. Да не убоимся мы доброго дела из-за пустяка. Дайте девочке образование и надлежащим образом подготовьте ее к вступлению

в жизнь, и можно ставить десять против одного, что все наладится безо всяких дополнительных расходов с чьей-либо стороны. Скажу прямо, нашей племяннице, или, уж во всяком случае, вашей, сэра Томас, ежели она вырастет в здешних местах, откроется множество возможностей. Не говорю, что в ней так же будет видна порода, как в ее кухнях. Боюсь, что нет; но она будет введена в общество при столь благоприятных обстоятельствах, что, по всей вероятности, займет в нем подобающее место. Вы думаете о своих сыновьях... Но неужто вы не понимаете, что уж этого менее всего можно опасаться — ведь они стали бы расти вместе, как братья и сестры? То, чего вы страшитесь, совершенно невозможно. Я не знаю тому ни единого примера. Напротив, это самый верный способ предотвратить нежелательные отношения. Представьте, ежели она хорошенькая и Том или Эдмунд увидят ее впервые через семь лет, вот тут, смею сказать, жди беды. Самой мысли, что ей пришлось расти в отдалении ото всех нас, в бедности и небрежении, было бы довольно, чтобы любой из наших милых, добросердечных мальчиков в нее влюбился. Но ежели воспитывать ее с этих пор вместе с ними и пускай она окажется даже ангельски хороша, все равно она будет для них всего только сестрою.

— В ваших словах много правды, — отвечал сэра Томас, — и у меня и в мыслях не было воздвигать воображаемые препятствия перед планом, каковой так сообразуется с положением всех родственников. Я лишь хотел остеречь от поспешных решений, и, чтобы это действительно принесло пользу миссис Прайс и послужило к нашей чести, надо обеспечить девочку или почитать нашею обязанностью обеспечить ее, как пристало женщине нашего сословия, в будущем, когда в том возникнет необходимость, ежели судьба ее сложится не столь благополучно, как вы с такой уверенностью предсказали.

— Я совершенно вас понимаю! — воскликнула миссис Норрис. — Вы само великодушие и внимательность, и нам тут, конечно же, не о чем спорить. Вы ведь знаете, ради блага тех, кого я люблю, я на все готова; и хотя никогда я не буду питать к этой девочке и сотой доли тех чувств, какие питаю к вашим милым деткам, потому как никоим образом не могу почитать ее до такой степени своею, однако же я не прощу себе, ежели не стану об ней заботиться. Разве она не дитя моей сестры? И возможно ли для меня не поделиться с нею, ежели она будет в нужде, последним куском? Любезный сэръ Томас, при всех моих недостатках у меня доброе сердце; и какая я ни бедная, а скорее откажу себе в самом необходимом, чем поступлю невеликодушно. Так что, ежели вы не против, я завтра же напишу к моей бедняжке сестре и сделаю ей это предложение; и коль скоро все будет улажено, сама озабочусь доставить девочку в Мэнсфилд, вам не надобно об этом беспокоиться. Вы ведь знаете, я не считаю за труд лишний раз побеспокоиться. Я нарочно для того пошлю в Лондон Ненни, она остановится у своего родича-шорника, и мы условимся, чтобы девочка там с нею и встретилась. Ее запросто могут отправить из Портсмута в Лондон почтовой каретою, препоручив заботам любого внушающего доверие попутчика. Среди пассажиров уж непременно окажется жена какого-нибудь почтенного торговца.

Сэръ Томас запротестовал единственно против родича Ненни, других возражений у него не нашлось, тем самым место встречи заменили более пристойным, хотя и не столь экономным; было сочтено, что все устроилось, и они уже заранее наслаждались своим великодушным поступком. Строго говоря, радость, какую они испытывали, не должна была бы быть одинакова, ибо сэръ Томас исполнился решимости стать истинным и неизменным покровителем маленькой избранницы, тогда как миссис Норрис не имела ни малейшего намерения входить

в какие-либо расходы на ее содержание. Что до прогулок, разговоров, всяческих замыслов, тут миссис Норрис было не занимать щедрости, и никто не превзошел бы ее в искусстве требовать широты натуры от других; но любовь к деньгам была у ней равна любви распоряжаться, и потратить денежки своих родных она умела не хуже, чем сберечь свои кровные. Выйдя замуж за человека с доходом более скромным, чем ей хотелось бы, она поначалу вообразила, будто необходимо во всем соблюдать весьма строгую экономию; и то, чему сперва была причиною вынужденная расчетливость, в скором времени пришлось ей по вкусу, стало предметом неустанного попечения, обыкновенно направляемого на детей, коих у ней не было. Ежели надо было бы содержать большое семейство, миссис Норрис никогда не сберегла бы свои деньги; но такой заботой она не была обременена, и оттого ничто не препятствовало ее бережливости и не убавляло довольства, какое приносил доход, что ежегодно пополнялся и превышал их надобности. Увлеченная страстью к накопительству и при этом не питая истинной привязанности к сестре, она готова была претендовать единственно на честь придумать и привести в действие столь дорогостоящую благотворительность; хотя, могло случиться, она так плохо себя знала, что после беседы с сэром Томасом возвращалась домой в счастливой уверенности, будто кроме нее нет на свете сестры и тетушки, которой присуща была бы такая широта натуры.

Когда разговор о сем предмете зашел вновь, она высказалась более определенно, и в ответ на безмятежный вопрос леди Бертрам — «Куда девочку сперва привезут, сестра, к тебе или к нам?» — сэр Томас не без удивления услышал, что миссис Норрис ни в коем случае не может взять на себя присмотр за нею. Сэр Томас полагал, что в доме приходского священника, у тетушки, не имеющей своих детей, девочке будут особенно рады, но оказалось,

он сильно ошибался. Миссис Норрис с огорчением сказала, что поселить у них ребенка и думать нечего, по крайней мере, при их теперешних обстоятельствах. Из-за незавидного состояния здоровья бедняжки мистера Норриса это никак невозможно: он столь же не в силах переносить шум, связанный с пребыванием в доме ребенка, как летать. Если его перестанет мучить подагра, тогда, конечно, другое дело. Сама она не посмотрит ни на какие неудобства и, в свой черед, будет с радостью брать племянницу к себе. Но как раз сейчас все ее время до минуты отдано бедняжке мистеру Норрису, с ним даже заговорить об этом нельзя, он наверняка тотчас расстроится.

— Тогда лучше ей приехать к нам, — невозмутимо заявила леди Бертрам.

И сэр Томас, подумав, прибавил с достоинством:

— Да, пускай ее дом будет у нас. Мы постараемся исполнить свой долг по отношению к ней, и для нее, по крайней мере, уже то будет хорошо, что она найдет сверстников и опытную гувернантку.

— Воистину так! — воскликнула миссис Норрис. — Оба эти соображения очень важные, и мисс Ли, конечно же, все равно, трех девочек учить или только двух, — никакой разницы. Я и рада бы оказаться более полезной, но сами видите, я делаю все, что в моих силах. Я не из тех, кто избегает хлопот, Ненни непременно поедет за нею, как бы ни трудно мне было на три дня остаться без моей главной помощницы. Я думаю, сестра, ты поместишь девочку в белую комнатку наверху, рядом с бывшей детской. Это для нее самое подходящее место, совсем рядом с мисс Ли, и недалеко от девочек, и до горничных рукой подать, любая поможет ей одеться и присмотреть за одеждой, ты ведь, конечно, не думаешь, что Эллис или кто другой должен ей прислуживать, как нашим девочкам. Право, не вижу, куда бы еще ты могла ее поместить.

Леди Бертрам не возражала.

— Надеюсь, она девочка добронравная и будет понимать, какое ей выпало редкостное счастье иметь таких покровителей, — продолжала миссис Норрис.

— Если же нрав у ней окажется дурной, мы из-за наших собственных детей не сможем оставить ее у нас, — сказал сэр Томас. — Но у нас нет оснований ждать такой беды. Многое в ней нам, вероятно, захочется изменить, и надо быть готовыми к вопиющему невежеству, к некоему убожеству взглядов и весьма неприятной вульгарности манер, но эти недостатки не из числа неисправимых, или, во всяком случае, они не опасны для окружающих. Будь она старше моих дочерей, я бы счел, что ввести ее в дом — затея весьма рискованная, но при том, как обстоит дело, надеюсь, эта близость им ничем не повредит, а ей всячески пойдет на пользу.

— Я думаю в точности так же и это самое говорила сегодня утром мужу! — воскликнула миссис Норрис. — Уже одно то, что она окажется в обществе своих кузин, будет способствовать ее воспитанию. Даже если ее ничему не научит мисс Ли, она наберется ума и благородства у них.

— Надеюсь, она не станет дразнить моего мопсика, — сказала леди Бертрам. — Мне едва удалось отвадить от него Джулию.

— Нам предстоит одна сложность, миссис Норрис, — заметил сэр Томас. — Речь идет о надлежащем различии, которое должно существовать между девочками, когда они подрастут: как сохранить у моих дочерей сознание, кто они такие, без того, чтобы они ставили кузину слишком уж низко, и как, не чересчур омрачая ее настроение, не дать ей забывать, что она отнюдь не мисс Бертрам. Я не против, чтобы они подружились, и никак не стал бы поощрять в своих дочерях ни малейшего высокомерия по отношению к их родственнице, но все же она им не равня. Их положение, состояние, права, виды на будущее всегда будут несравнимы. Тут требуется величайшая

деликатность, и вы должны нам помочь в наших стараниях избрать верную линию поведения.

Миссис Норрис заверила зятя, что она всецело к его услугам и, хотя вполне согласна, что задача это нелегкая, конечно же, он может надеяться, что уж они-то справятся с ней без труда.

Легко поверить, что миссис Норрис написала сестре не напрасно. Миссис Прайс несколько удивилась, что выбор остановили на девочке, когда у ней столько прекрасных мальчиков, но с благодарностью приняла предложение и заверила родных, что ее дочь девочка благо нравная, добросердечная и, она надеется, у них не будет причины отослать ее обратно. Далее она писала, что девочка хрупка и слабенькая, но от перемены обстановки, без сомнения, окрепнет. Бедная женщина, вероятно, думала, что перемена обстановки пошла бы на пользу всем ее многочисленным детям.

Глава 2

Девочка благополучно совершила долгое путешествие до Нортгемптона, где ее встретила тетушка Норрис, гордая своим великодушием и своей миссией — приветствовать племянницу, ввести в дом родных и вернуть их доброте.

Фанни в ту пору было ровно десять лет, и хотя при первом знакомстве ее наружность ничем особенным не привлекла, но ничем и не оттолкнула. Для своих лет была она маленькая, личико без румянца, без иных бросающихся в глаза признаков красоты; до крайности застенчивая и робкая, она избегала привлекать к себе внимание; но в ее манерах, хотя и неловких, не ощущалось никакой вульгарности, голосок был нежный, и, когда она разговаривала, видно было, как она мила. Сэр Томас и леди

Бертрам приняли ее очень сердечно, сэр Томас, видя, как она нуждается в ободрении, старался всячески ее приветить, но натолкнулся на весьма неуместную замкнутость, а леди Бертрам не приложила и половины его усилий, и там, где он произносил десяток слов, обходилась одним, но благодаря всего лишь ее добродушной улыбке девочка сразу же стала дичиться ее куда меньше, чем сэра Томаса.

Юное поколение всё находилось дома и охотно, без замешательства внесло свою долю в церемонию знакомства, по крайней мере, это можно было сказать о сыновьях, кои, в свои семнадцать и шестнадцать не по годам высокие, показали маленькой кузине воплощением мужского великолепия. Девочки же, обе моложе братьев и куда больше братьев трепетавшие перед отцом, который обратился к ним в этот час с непомерной торжественностью, были несколько смущены. Но слишком привыкшие быть на людях и слышать похвалы в свой адрес, они не знали ничего похожего на истинную робость, и неуверенность кузины лишь прибавила им уверенности, так что скоро они уже со спокойным равнодушием принялись разглядывать ее лицо и платье.

В семействе Бертрам дети были как на подбор, сыновья хороши собой, девочки, можно сказать, настоящие красавицы, и все высокие, статные не по летам, и наружностью они отличались от кузины столь же разительно, как и манерами, отшлифованными воспитанием; и никому бы и в голову не пришло, что девочки так близки друг другу по возрасту. Младшую сестру и Фанни разделяли всего два года. Джулии Бертрам было только двенадцать, а Марии всего на год больше. Меж тем маленькая гостя чувствовала себя глубоко несчастной. Всех их она боялась, стыдилась себя, тосковала по оставленному дому и оттого не смела поднять глаз и говорила едва слышно или сквозь слезы. Всю дорогу от Нортгемптона миссис Норрис твердила, какое поразительное ей выпало счастье,

и как велика должна быть ее благодарность, и как примерно следует себя вести, и вот теперь девочка страдала еще более от сознания, что это дурно — не чувствовать себя счастливой. Скоро показала себя еще и усталость от столь долгого путешествия. Напрасны были исполненные самых добрых побуждений снисходительность сэра Томаса и настойчивые предсказания тетушки Норрис, что девочка будет хорошей, напрасно улыбалась леди Бертрам и усадила ее на диван рядом с собою и с мопсом, не утешил даже пирог с крыжовником; она и двух кусочков не съела, как опять полились слезы, и, подумав, что всего лучше ее успокоит сон, ее уложили в постель и оставили изживать свои горести.

— Начало не очень многообещающее, — сказала миссис Норрис, когда Фанни вышла. — После всего, что я говорила ей дорогою, я думала, она будет вести себя лучше; я объяснила, как важно ей произвести хорошее впечатление при первой встрече. Хотела бы я, чтобы в ней не было и толики угрюмости — ее мать, бедняжка, всегда этим отличалась; но нам не следует забывать, что она еще ребенок, и вряд ли ей можно ставить в вину, что она горюет, расставшись со своим домом, ведь, какой ни есть, это и вправду ее дом, и ей еще не понять, как изменится к лучшему ее жизнь; но все-таки во всем должно соблюдать умеренность.

Однако, чтобы Фанни примирилась с незнакомым ей прежде Мэнсфилд-парком и с разлукой со всем, к чему привыкла, потребовалось больше времени, чем склонна была ей дать тетушка Норрис. Всю остроту ее чувств толком не понимали и потому относились к ним без должного внимания. Никто не желал ей зла, но никто не собирался утруждать себя ради ее спокойствия.

Свободный от занятий день, который на завтра предоставили девочкам Бертрам, чтобы они не спеша познакомились со своей маленькой кухней и развлекли ее, никак

их не сблизил. Узнав, что у ней всего две ленты и что она никогда не занималась французским, они потеряли к ней интерес; а когда поняли, что, милостиво исполнив для нее дуэт на фортепиано, никак ее не поразили своим искусством, им только и пришло в голову щедро одарить ее кое-какими наименее любимыми своими игрушками и предоставить ее самой себе, а потом они принялись за одно из тех занятий, каким в ту пору отдавали предпочтение в свободное время — стали делать искусственные цветы или попусту переводить золотую бумагу.

Рядом с кузинами или поодаль от них, в классной ли комнате, в гостиной, в садовой аллее, Фанни все время чего-нибудь в ком-нибудь боялась, и всюду она чувствовала себя несчастной и одинокой. Молчание леди Бертрам угнетало ее, серьезное лицо сэра Томаса внушало благоговейный страх, а наставления тетушки Норрис совсем подавляли. Кузины, старше нее по возрасту, унижали ее разговорами о том, что она слишком мала ростом, приводили в смущенье, замечая ее робость. Мисс Ли дивилась ее невежеству, горничные с презреньем смотрели на ее платье; эти горести становились еще горше из-за мыслей о сестрах и братьях, для которых она была неизменной участницей игр, наставницей и нянькой; глубокая печаль снедала ее детское сердечко. Великолепие дома Бертрамов поражало ее, но утешить не могло. Комнаты были слишком велики, она чувствовала себя в них скованно, она боялась дотрагиваться до вещей — как бы чего не испортить — и двигалась по дому с опаской, вечно чего-то страшась; часто уходила в свою комнату поплакать; и та самая девочка, о которой, когда она вечером покидала гостиную, говорили, что она, как и хотелось бы, кажется, сознает, какое редкостное ей выпало счастье, каждый исполненный горестей день засыпала в слезах. Так прошла неделя, и по ее тихому покорному поведению никто ничего не подозревал, пока однажды утром ее кузен

Эдмунд, младший из сыновей четы Бертрам, не застал ее плачущей на лестнице, ведущей наверх.

— Милая кузиночка, — сказал он с присущей его превосходной натуре мягкостью, — что такое случилось? — И, севши рядом с нею на ступеньку, он всеми силами старался преодолеть ее смущенье оттого, что ее застали врасплох, и уговаривал открыться ему. Может быть, ей нездоровится? или кто-нибудь на нее рассердился? или она повздорила с Марией или Джулией? или чего-то не поняла из урока, он с радостью ей объяснит? Иными словами, не хочет ли она, чтобы он что-нибудь ей принес или что-нибудь для нее сделал?

Долгое время ему только и удавалось от нее услышать, что «нет, нет... вовсе нет... нет, спасибо», но он все не отступался, и, лишь когда заговорил об ее родном доме, усилившиеся рыдания объяснили ему, из-за чего она горюет. Он попытался ее утешить.

— Ты тоскуешь в разлуке с мамой, милая моя Фанни, — сказал он, — а это значит, что ты очень хорошая девочка. Но помни, Фанни, ты ведь сейчас у родных, у друзей, тебя все любят и все хотят, чтобы тебе было хорошо. Давай выйдем в парк, и ты мне расскажешь про своих братьев и сестер.

Продолжая расспрашивать, Эдмунд понял, что, как ни милы девочке все ее братья и сестры, есть среди них один, кто ей всех дороже. Это Уильям, об нем она говорила больше всего, об нем больше всего тосковала. Уильям, старший брат годом старше нее, постоянный ее собеседник и друг, во всякой беде защитник перед матерью (которая любит его более всех остальных). Уильям не хотел, чтобы она уезжала... говорил, что будет очень о ней скучать.

— Но уж наверно Уильям будет писать тебе письма.

— Да, он обещал, но сказал, пускай первая напишет она.

— И когда ж ты напишешь?



Фанни опустила голову и ответила, запинаясь, что не знает, у ней нет ни листка бумаги.

— Если вся беда в этом, я дам тебе бумагу и все необходимое, и можешь писать к брату, когда тебе вздумается. Ты будешь довольна, если сможешь ему писать?

— Да, очень.

— Тогда не надо откладывать. Идем со мной в малую гостиную, там мы найдем все, что нужно, и никто нам не помешает, там сейчас никого нет.

— Кузен... а на почту письмо попадет?

— Конечно, это уж моя забота; его отправят со всеми остальными письмами; твой дядя заранее оплатит его, и оно не введет Уильяма в расход.

— Дядя! — испуганно повторила Фанни.

— Когда напишешь, я отнесу письмо папеньке, и он его франкирует.

Фанни подумала, что это будет дерзость, но больше противиться не стала; и они вместе пошли в малую гостиную, там Эдмунд достал бумагу и разлиновал ее с такой охотой, будто сам Уильям, только, пожалуй, еще аккуратнее. Он оставался с Фанни все время, пока она писала, и, если надобно, пускал в ход свой перочинный ножик или говорил, как пишется то или иное слово, и сверх этих забот, на которые она отзывалась всей душой, выказал благожелательность к ее брату, что более всего обрадовало ее. Собственной рукою он приписал привет своему кузену Уильяму и, прежде чем запечатать письмо, вложил в него полгинеи. По этому случаю на Фанни нахлынули такие чувства, что, ей казалось, она не способна их выразить, но само ее лицо и несколько безыскусственных слов в полной мере передали ее признательность и восторг, и теперь кузен почувствовал к ней интерес. Он еще поговорил с нею, и все ею сказанное убедило его, что у ней любящее сердце и она полна желаний вести себя наилучшим образом; и ему ясно стало, что крайняя

уязвимость положения, в котором она оказалась, и крайняя робость и впредь дают ей право на внимание. Прежде он никогда сознательно не обижал ее, но теперь почувствовал, что она нуждается в большей доброте, и потому прежде всего старался умалить ее страх перед окружающими, да еще надавал ей множество добрых советов, вроде того, что надобно играть с Марией и Джулией и быть как можно веселее.

С этого дня Фанни стало уютнее. Она поняла, что у ней появился добрый друг, и от этого стала держаться уверенней со всеми остальными. Мэнсфилд-парк уже не казался таким чужим, а его обитатели такими грозными, и, если кое-кого она еще побаивалась, она хотя бы постепенно узнавала их привычки и училась наилучшим образом к ним применяться. Некоторая достойная сожаления неотесанность и угловатость, что поначалу доставляли неприятные минуты всем, и прежде всего ей самой, сгладились, как тому и следовало быть, и она уже, в сущности, не боялась показываться на глаза дяде и не слишком пугалась, услышав голос тетушки Норрис. Теперь кузины уже не тяготились ею и приглашали изредка в свои игры. Хотя, оттого что была она моложе и слабее, они не считали, что она достойна постоянно проводить время в их обществе, но в удовольствиях и забавах им иной раз бывало не обойтись без третьего, да еще когда этот третий такой услужливый и покладистый; и если тетушка расспрашивала их об ее промахах или брат Эдмунд убеждал их, что Фанни вправе рассчитывать на их доброту, они не могли не признать, что «Фанни довольно милая».

Сам Эдмунд был неизменно добр, а что до Тома, она не видела от него ничего плохого, он всегда слегка над нею подшучивал, семнадцатилетнему юноше это казалось подходящим обращением с десятилетним ребенком. Том только еще вступал в жизнь, радость была в нем ключом, и, как истый старший сын, чувствующий, что рожден



лишь для того, чтобы сорить деньгами и получать удовольствие, он был расположен ко всем и вся. Доброту по отношению к маленькой кузине он выражал в полном согласии со своим положением и правами: иной раз делал ей милые подарки и посмеивался над нею.

Когда наружность и настроение девочки улучшились, сэр Томас и тетушка Норрис стали думать о своем благодеянии с еще большим удовлетворением; и очень скоро между ними было решено, что хотя умной ее никак не назовешь, зато она выказала склонность к послушанию и, пожалуй, особых хлопот с ней не будет. Невысокого мнения об ее способностях придерживались не только они. Фанни и умела всего лишь читать, рукодельничать да писать, ничему другому ее не научили; и когда кузины обнаружили, что она понятия не имеет о многом, с чем сами они давно знакомы, они сочли ее невероятной тупицей и первые две-три недели в подтверждение этого то и дело рассказывали в гостиной что-нибудь новенькое.

— Мамочка, дорогая, вы только подумайте, кузина не может правильно расположить ни одно государство на карте Европы... — Или: — Кузина не может показать главные реки России... — Или: — Она слыхом не слыхала про Малую Азию... — Или: — Она не знает, какая разница между акварельными красками и цветными карандашами!.. Как же так?.. Вы когда-нибудь слыхали о такой тупости?

— Это, конечно, нехорошо, детка, — вступалась тактичная тетушка, — но нельзя ждать, чтобы все и каждый были такими же развитыми да способными, как ты сама.

— Но, тетушка, она уж такая невежда! Вы знаете, вчера вечером мы ее спросили, в какую сторону она поедет, чтобы попасть в Ирландию, и она сказала, она переправится на остров Уайт. Она только и думает, что об острове Уайт, она называет его просто Остров, будто других островов вообще нет на свете. Да я бы сгорела со стыда еще задолго до ее лет, если б вот так ничего не знала.

Я уж и не помню, с каких пор я знаю много всего, об чем она еще и сейчас не имеет ни малейшего понятия. Тетушка, мы ведь давным-давно выучили, какие короли были в Англии, кто после кого взошел на престол и какие при этом были важнейшие события.

— Да, и римских императоров давно знаем, еще с Северия, — прибавила вторая кузина. — Да сколько языческих мифов, и все металлы, и металлоиды, и планеты, и знаменитых философов.

— Ну конечно, мои дорогие, но Господь наградил вас обеих замечательной памятью, а у вашей бедняжки кузины, может, и вовсе ее нет. Память бывает очень разная, как и все прочее, и потому надобно быть снисходительными к кузине, сожалеть об ее несовершенстве. И запомните, если вы такие сами умницы и так преуспеваете в ученье, вам надобно быть скромными: потому что, сколько бы вы уже ни знали, вам предстоит узнать еще куда больше.

— Да, конечно, до того, как мне исполнится семнадцать. Но я еще расскажу вам про Фанни, это так странно и так глупо. Вы знаете, она говорит, что не хочет учиться музыке и рисованию.

— Конечно, моя дорогая, это и вправду очень глупо и показывает, как основательно ей недостает способностей и стремления к самоусовершенствованию. Но если хорошенько подумать, пожалуй, так оно и лучше, потому что хотя, как вы знаете (благодаря мне), ваши папенька и маменька по доброте своей воспитывают ее вместе с вами, однако же ей вовсе нет надобности быть такой же образованной, как вы, — напротив того, гораздо желательней, чтоб в этом было некоторое отличие.

Таковы были советы, с помощью которых миссис Норрис старалась воспитать души своих племянниц; и не удивительно, что при всех их многообещающих талантах и рано приобретенных знаниях они были вовсе лишены не столь широко распространенных склонностей к само-



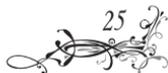
познанию, великодушию и смирению. Они получали превосходное воспитание, которое касалось всего, кроме их характера. Сэр Томас не знал, чего им недостает, потому что, хотя и относился к отцовским обязанностям поистине ревностно, внешне отцовскую любовь не проявлял, и его сдержанность мешала детям давать при нем волю чувствам.

Леди Бертрам не уделяла образованию дочерей ни малейшего внимания. Для подобных забот у ней не хватало времени. Нарядно одетая, она целыми днями сидела на диване и занималась каким-нибудь бесконечным рукоделем, никому не нужным и некрасивым, думая при этом все больше о своем мопсе, а не о детях, но относилась к ним очень снисходительно, если только они не докучали ей, и во всех важных делах следовала советам сэра Томаса, а в заботах помельче — своей сестры. Будь у нее больше свободного времени, чтобы посвятить его дочерям, она бы, вероятно, сочла, что в этом нет необходимости, ведь они на попечении гувернантки и у них прекрасные учителя, чего же еще надобно? А что до Фанниной тупости в ученье, «можно только сказать, это весьма прискорбно, но иные люди и вправду тупы, так что Фанни должна стараться, не жалея сил; ничего другого тут не придумаешь; и надобно прибавить, что, кроме такой неспособности, она, леди Бертрам, не видит в бедняжке ничего плохого, к тому же девочка всегда так ловко и проворно исполняет поручения и приносит все, за чем ее ни пошлешь».

При всей своей робости и пробелах в знаниях Фанни прижилась в Мэнсфилд-парке и, постепенно привязываясь к нему все сильней, почти как к родному дому, росла не вовсе безрадостно в окружении кузенов и кузин. Мария и Джулия были не злы по натуре, и, хотя своим поведением нередко унижали Фанни, она была о себе такого невысокого мнения, что не чувствовала обиды.

Примерно в ту пору, когда она вошла в семью, леди Бертрам, из-за небольшого нездоровья и великой лени, отказалась от дома в Лондоне, где прежде проводила каждую весну, и жила теперь постоянно за городом, предоставив сэру Томасу исполнять его обязанности в парламенте и жить отныне с большим, а быть может, и с меньшим комфортом, вызванным ее отсутствием. Тем самым за городом обе мисс Бертрам продолжали упражнять память, разучивать на фортепиано дуэты и становились высокими и женственными; и их отец видел, что наружностью, поведением и достоинствами они делались такими, какими ему и хотелось их видеть. Старший сын рос беспечным расточителем и уже доставил отцу немало тревог; но от остальных детей можно было ждать только хорошего. Дочери, пока носят имя Бертрам, будут лишь способствовать его украшению, а расставшись с ним, без сомнения, соединят свое семейство с другими, столь же почтенными и родовитыми; характер же Эдмунда, отменный здравый смысл и сильно развитое чувство справедливости служили наилучшим образом к пользе, чести и счастью его самого и всех его близких. Ему предстояло стать священником.

За довольством и заботами, которые доставляли сэру Томасу собственные дети, он не забывал делать все возможное для детей миссис Прайс; он щедро помогал ей в образовании и дальнейшем устройстве сыновей, когда они достаточно подросли и пора было избрать для них постоянное поприще; и Фанни, хотя почти вовсе разлученная со своей семьей, искренне радовалась всякий раз, как слышала о любом проявлении доброты по отношению к ним, любой малости, что сулила перемены к лучшему в их положении и поведении. Однажды, всего лишь однажды за многие годы ей выпало счастье побыть с Уильямом. Остальных же она никогда не видела; казалось, никто и не думал, что она когда-нибудь опять придет к ним,



пусть даже только погостить, казалось, дома никому она не нужна; но Уильяма, вскорости после ее отъезда решившего стать моряком, перед уходом в плавание пригласили в Нортгемптоншир провести неделю с сестрой. Горячую привязанность, проявившуюся при встрече, беспредельный восторг оттого, что они вместе, часы радостного веселья и минуты серьезных разговоров — все это можно представить; так же как бодрость и радость жизни, не оставлявшие брата даже и в последние минуты, и горе сестры, когда он уехал. По счастью, он гостил в Мэнсфилд-парке в рождественские праздники, и Фанни могла сразу же искать утешения у кузена Эдмунда; а он чудесно живописал ей, чем Уильяму предстоит заниматься сейчас и кем он станет в дальнейшем, и постепенно Фанни пришлось признать, что в их разлуке, возможно, есть кое-какой смысл. Дружба Эдмунда никогда ее не обманывала: окончание Итона и переход в Оксфорд ничуть не изменили его доброго нрава, лишь дали ему возможность чаще проявляться. Нисколько не кичась тем, что делает больше других, и нисколько не опасаясь, что делает слишком много, он неизменно и преданно пекся о благе девочки и со вниманием относился к ее чувствам, стараясь, чтобы ее достоинства были поняты и чтобы она преодолела неуверенность в себе, которая мешала им стать более очевидными; она находила у него советы, утешение и ободрение.

Все прочие мало ею интересовались, и поддержка его одного не могла приблизить к ним Фанни, однако же его внимательность была чрезвычайно важна в другом отношении: помогала совершенствовать ее ум и расширять получаемые от этого удовольствия. Он знал, что она девочка смышленная, понятливая, к тому же исполнена здравомыслия и любви к чтению, которое, должным образом направленное, уже само по себе есть образование. Мисс Ли учила ее французскому и слушала, как она

читает ежедневный урок из истории; но Эдмунд рекомендовал ей книги, которые завораживали ее в часы досуга, он развивал ее вкус и поправлял ее суждения; чтение шло ей на пользу, так как Эдмунд беседовал с нею о прочитанном и благоразумной похвалою делал книгу еще привлекательнее. В ответ на его помощь Фанни любила его более всех на свете, кроме Уильяма; сердце ее принадлежало им двоим.

Глава 3

Первое важное событие в семье, смерть мистера Норриса, произошло, когда Фанни было около пятнадцати лет, и за ним неизбежно последовали перемены и новшества. Расставшись с домом приходского священника, миссис Норрис сначала переехала в Мэнсфилд-парк, а после в деревню, в скромный домик, принадлежащий сэру Томасу, и в потере мужа утешилась мыслью, что прекрасно может обойтись без него, а в сокращении своих средств — очевидною необходимостью более строгой экономии.

Приход предназначался Эдмунду, и, умри его дядюшка несколькими годами ранее, он был бы отдан кому-то из знакомых священнослужителей, чтобы перейти к Эдмунду, когда возраст позволит ему принять сан. Но расточительство Тома, предшествовавшее этому событию, было столь велико, что пришлось передать освободившееся место другому кандидату, и младший брат вынужден был расплачиваться за удовольствия старшего. Имелся и другой семейный приход, который, в сущности, придерживали для Эдмунда; но хотя благодаря сему обстоятельству совесть мучила сэра Томаса и несколько меньше, он полагал подобный выход из положения несправедливым и всячески старался внушить это убеждение старшему

сыну, в надежде, что оно подействует куда более, нежели все то, что он говорил или делал прежде.

— Мне стыдно за тебя, Том, — с величайшим достоинством сказал он. — Мне стыдно за то средство, к коему я вынужден прибегнуть, и, я полагаю, тебя можно пожалеть за то чувство, какое ты испытываешь сейчас по отношению к брату. На десять, двадцать, тридцать лет, а может быть, и на всю жизнь ты лишился Эдмунда более чем половины дохода, который он должен был получать. В будущем, возможно, я или ты еще сумеем обеспечить ему более высокое положение (я очень на это надеюсь); но не следует забывать, что, как ни хороша оказалась бы возможность, которую мы сумеем ему предоставить, с нашей стороны это будет лишь справедливое возмещение, на которое он, безусловно, вправе рассчитывать, и что никакая возможность не сравнится с тем преимуществом, от коего он сейчас вынужден отказаться из-за срочности твоих долгов.

Том слушал не без стыда и не без огорчения; но, постаравшись поскорее скрыться с глаз отца, он уже очень скоро с веселым эгоизмом размышлял, что, во-первых, его долг и вполнину не так велик, как у иных его приятелей, во-вторых, выговор отца прескучен, и в-третьих, будущий приходский священник, кто бы он ни был, всего вероятней, вскорости умрет.

После кончины мистера Норриса кандидат на его место, некий доктор Грант, по праву получил приход, приехал в Мэнсфилд и, оказавшись сорокапятилетним здоровяком, как будто должен был бы обмануть ожидания мистера Бертрама. Но нет, «это малый апоплексического склада, с короткой шеей, и, ежели его усердно потчуют хорошей стряпней, он не заживется на свете».

У доктора Гранта была жена лет на пятнадцать моложе, а детей не было, и соседи по обыкновению благосклонно отзывались об них как о людях почтенных и приятных.

Теперь, как надеялся сэр Томас, пришла пора свояченице принять участие в их племяннице, ибо оттого, что положение миссис Норрис изменилось, а Фанни подросла, казалось, не только исчезли причины, мешающие им жить вместе, но все самым решительным образом этому способствовало; а поскольку его собственные обстоятельства стали менее благоприятны, нежели прежде, так как в добавление к мотовству старшего сына он потерпел убытки в Вест-Индии, ему было бы желательно освободиться от затрат на ее содержание и от обязательств обеспечивать ее в будущем. Совершенно уверенный, что так оно и должно быть, сэр Томас упомянул об этом жене; и случилось так, что, когда впервые после разговора с мужем она опять об этом вспомнила, Фанни была тут же, и тетушка спокойно заметила:

— Итак, Фанни, ты нас покидаешь и будешь жить у моей сестры. Ты довольна?

Фанни так поразилась, что только и была в силах повторить слова тетушки «Покидаю вас?».

— Да, милочка, отчего ты так удивлена? Ты живешь у нас уже пять лет, а моя сестра всегда хотела взять тебя к себе, когда мистера Норриса не станет. Но ты все равно должна быть на высоте и следовать моим урокам.

Для Фанни новость была столь же неприятна, сколь и неожиданна. Она никогда не видела никакого добра от тетушки Норрис и оттого не могла ее полюбить.

— Мне так жалко будет вас покинуть, — запинаясь, сказала она.

— Уж наверно жалко, а как же иначе? Я думаю, с тех пор как ты переступила порог нашего дома, у тебя не было особых причин для огорчений.

— Надеюсь, я не была неблагодарной, тетушка, — скромно сказала Фанни.

— Нет, милочка, надеюсь, что нет. Я всегда считала тебя очень хорошей девочкой.



— И мне уже никогда тут не жить?

— Никогда, дорогая. Но у тебя, без сомнения, будет уютный дом. Да и какая тебе разница, здесь ли жить или у миссис Норрис?

Фанни вышла из комнаты с глубокой печалью на сердце; она чувствовала, что разница будет не маленькая, о жизни с тетушкой Норрис она думала безо всякого удовольствия. Едва повстречавшись с Эдмундом, она поведала ему свое горе.

— Кузен, — сказала она, — меня ждет перемена, и она меня совсем не радует. И хотя часто благодаря твоим уговорам я примирилась с тем, что поначалу было мне не по душе, на этот раз ты не сможешь меня уговорить. Мне предстоит навсегда переселиться к тетушке Норрис.

— Вот как!

— Да, тетушка Бертрам сегодня мне об этом сказала. Все уже условлено. Я должна покинуть Мэнсфилд-парк и отправиться в Белый коттедж, наверно, как только она туда переедет.

— Знаешь, Фанни, если бы тебе это не было неприятно, я бы сказал, что это превосходный план.

— Нет-нет, кузен!

— Все прочее говорит в его пользу. Желая взять тебя к себе, тетушка поступает весьма благоразумно. Она выбирает друга и компаньонку как раз там, где надобно, и я рад, что ее любовь к деньгам не помешала этому. Ты будешь для нее тем, чем должна быть. Я надеюсь, это не слишком огорчает тебя, Фанни.

— Очень огорчает. Совсем мне это не по душе. Я люблю этот дом, все в этом доме. Там я ничего не полюблю. Ты же знаешь, с нею мне всегда не по себе.

— Я не стану говорить о том, как она обращалась с тобой, когда ты была маленькая. Но она так же обращалась со всеми нами, или почти так же. Она никогда не умела быть приветливой с детьми. Но теперь ты уже

в таком возрасте, когда с тобой надо обращаться лучше. По-моему, она уже держится лучше, а когда ты станешь ее единственной компаньонкой, она уж непременно станет тобою дорожить.

— Никогда никто не станет мною дорожить.

— Что этому мешает?

— Все... мое положение... моя глупость... нескладность.

— Что до твоей глупости и нескладности, милая Фанни, поверь мне, нет в тебе ничего подобного, разве что ты употребляешь эти слова в неверном смысле. Нет решительно никаких причин, почему бы тобою не стали дорожить там, где тебя знают. Ты обладаешь здравым смыслом и милым нравом, и, я уверен, у тебя благодарное сердце, и на добро ты всегда пожелаешь ответить добром. Для друга и компаньонки нет на свете качеств лучше этих.

— Ты слишком добр, — сказала Фанни, краснея от такой похвалы. — Как же я сумею отблагодарить тебя за то, что ты такого хорошего мнения обо мне? Ох, кузен, если мне придется уехать, я всегда, до последней минуты жизни буду помнить твое великодушие.

— Ну конечно, Фанни, в такой дали, как Белый коттедж, я надеюсь, ты будешь меня помнить. Ты говоришь так, будто уезжаешь за две сотни миль, а не всего лишь на другой конец парка. Ты будешь членом нашей семьи почти как до сих пор. Оба семейства будут видаться каждый божий день. Вся разница только в том, что, живя с тетушкой, ты перестанешь оставаться в тени — и так и следует. Здесь, у нас, всегда находится кто-то, за чью спину ты можешь спрятаться, а вот у тетушки Норрис придется тебе говорить самой за себя.

— Прошу тебя, пожалуйста, не говори так!

— Я должен это сказать и говорю это с удовольствием. Миссис Норрис сейчас куда больше подходит для попечения о тебе, чем леди Бертрам. Для того, кем она



действительно интересуется, она многое может сделать, такая у нее натура, и она заставит тебя по справедливости оценить твои природные достоинства.

— Мне видится все это не так, как тебе, — со вздохом сказала Фанни, — но надо бы поверить, что прав скорее ты, а не я, и я очень благодарна тебе, что ты стараешься примирить меня с неизбежным. Если бы думать, что тетушке я и вправду безразлична, было бы восхитительно чувствовать, что для кого-то я что-то значу!.. Ведь я знаю, здесь я ни для кого ничего не значу, и однако я так люблю Мэнсфилд-парк.

— С Мэнсфилд-парком ты не расстанешься, Фанни, ты расстанешься только с домом. Ты, как и прежде, будешь вольна гулять и в парке и в саду. Даже твое привязчивое сердечко не должно пугаться такой ничтожной перемены. Ты будешь ходить по тем же дорожкам, в той же библиотеке будешь выбирать книги, тех же людей будешь встречать, на той же лошадке ездить верхом.

— Да, правда. Милый мой серый пони. Ах, кузен, как я вспомню, до чего меня пугала верховая езда, с каким страхом я слушала, когда говорили, что она пойдет мне на пользу (бывало, стоит дядюшке заговорить о лошадях, меня бросает в дрожь)... как подумаю, сколько же ты потратил усилий, чтобы урезонить меня, уговорить не бояться и убедить, что я вскоре полюблю ездить верхом, я чувствую, что ты всегда прав, и начинаю надеяться, что твои предсказания, как всегда, окажутся верны.

— И я совершенно убежден, что жизнь с миссис Норрис так же благотворно подействует на твою душу, как верховая езда на здоровье... и вдобавок послужит к твоему счастью.

Так окончилась их беседа, и хотя она могла сослужить Фанни хорошую службу, без нее вполне можно было бы обойтись, так как тетушка Норрис вовсе не имела намерения брать Фанни к себе. При настоящем положении

дел она только и думала, как бы этого избежать. Чтобы никто не ждал от нее ничего подобного, она выбрала для себя самое маленькое жилище в мэнсфилдском приходе, которое при этом не умаляло бы ее достоинства; Белый коттедж только и мог вместить ее со слугами, и еще оставалась комнатка для какой-нибудь гостьи, на чем миссис Норрис особенно настаивала: при жизни мужа лишние комнаты никогда не требовались, а теперь она всякий раз непременно упоминала о необходимости такой комнаты. Однако же никакие ее предосторожности не помешали заподозрить ее в добром намерении; а, быть может, именно разговор о необходимости лишней комнаты и ввел сэра Томаса в заблуждение, заставил предположить, что комната предназначается для Фанни. Уверенность в этом вскоре прозвучала в небрежном замечании леди Бертрам при разговоре с миссис Норрис:

— Я думаю, сестра, нам теперь ни к чему держать мисс Ли, раз Фанни будет жить у тебя.

Миссис Норрис даже вздрогнула.

— У меня, дорогая леди Бертрам? Что вы хотите этим сказать?

— А разве она не переедет к тебе?.. Я думала, ты уже условилась обо всем с сэром Томасом.

— Это я-то? Ничего подобного. Я и слова об этом не сказала с сэром Томасом, и он со мною тоже. Фанни будет жить со мной! У меня и в мыслях такого не было, да и ни одна душа, кто хорошо знает нас обеих, никогда б того не пожелала. Боже милостивый, да что мне с нею делать?.. Это я-то! бедная, беспомощная, одинокая вдова, ни на что не годная, сломленная несчастьями — что мне делать с пятнадцатилетней девушкой? С девушкой в ее летах, в тех самых летах, когда ото всех окружающих требуются особое внимание и заботы и подвергаются испытанию даже самые жизнерадостные характеры. Да нет же, не мог сэр Томас и вправду ожидать от меня этого!

Літературно-художнє видання

ОСТИН Джейн
Менсфілд-парк

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 24.09.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Mysl». Ум. друк. арк. 26,88. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, г. Харків, ул. Б. Хмельницького, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ОСТИН Джейн
Мэнсфилд-парк

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 24.09.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Mysl». Усл. печ. л. 26,88. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харків, ул. Б. Хмельницького, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харків, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Фанні — дівчина з бідної родини. Але її тітонька, яка свого часу вдало вийшла заміж за баронета Томаса Бертрама, запрошує племінницю пожити в себе. Розкішний маєток Менсфілд-парк — наче казковий світ. Але його жителі не приймають дівчину до свого кола. Хіба місце бідності серед аристократів? Однак серцю не накажеш: Фанні закохується в юного кузена Едмуна Бертрама. Чи є майбутнє в її почуттів? Усяке може статися в маєтку Менсфілд-парк...

Остин Дж.

О-76 Мэнсфилд-парк : роман / Джейн Остин ; пер. с англ. Р. Облонской. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 512 с.

ISBN 978-617-12-7085-5

Фанни — девушка из бедной семьи. Но ее тетушка, которая в свое время удачно вышла замуж за баронета Томаса Бертрама, приглашает племянницу пожить у себя. Роскошное поместье Мэнсфилд-парк — словно сказочный мир. Но его жители не принимают девушку в свой круг. Разве место беднячке среди аристократов? Однако сердцу не прикажешь: Фанни влюбляется в юного кузена Эдмунда Бертрама. Есть ли будущее у ее чувств? Все может случиться в поместье Мэнсфилд-парк...

УДК 821.111